

Веб-журнал "Европейская Афиша" №2 25/02/2013– www.afficha.info

Парадоксы Деклана Доннеллана: от Расина – к Жарри.

Екатерина Богопольская

Деклан Доннеллан поставил с французскими актерами фарс А.Жарри «Король Убю», блестяще доказав, что папаша Убю скрыт в каждом из нас. Пьеса-провокация грубого площадного юмора превратилась в изящную пародию на парижскую «буржуазную богему»: за фасадом политкорректности прячутся такие подавленные инстинкты агрессии, что классической гротесковой парочке Жарри и не снилось.

6 лет спустя после «Андромахи» Расина Деклан Доннеллан поставил в Париже с тем же самым составом актеров «Короля Убю» А.Жарри. Так что можно сказать, что теперь у него есть не только английская и русская труппа, но и французская.

Как сегодня ставить Жарри? С года создания пьесы -1896- во Франции принято вести точку отсчета современного театра. Но то, что в свое время воспринималось как провокация, выпад против статус-кво и буржуазного порядка, и традиционного театра, сегодня уже не работает. Кого, в самом деле, можно в наше время удивить использованием на сцене непристойностей и скатологии? Ниспровержение авторитетов тоже давно стало расхожим местом. Таким же, как стереотип, по которому Убю - диктатор, весь фарс - абсурд тоталитарного государства, гротеск, показывающий разращение властью. Ну, и Убю как символический образ вселенского Хама в театре XX века тоже проходили. Казалось, пьеса на сегодняшний день себя решительно исчерпала, во всяком случае, во Франции, и ничего, за исключением скучающей улыбки, не вызывает. Доннеллан придумал совершенно неожиданный ход, находя аналогии с парочкой Убю не во вне, а внутри каждого из нас: получается, что за каждым вполне поликорректным французом может скрываться папаша и мамаша Убю.

Photo Johan Persson

Пьесе Жарри предпослан пролог. Сцена представляет типичный интерьер салона современной респектабельной семьи. (Все действие будет происходить в единой декорации). Прекрасный дом парижских бо-бо (сокращение от «буржуазная богема»). Праздничная лихорадка в ожидании гостей. Папа на кухне, где заканчивает приготовления

к ужину. Мама наряжается. Сын-подросток балуется с камерой, снимая крупным планом самые неожиданные кадры - вот долгие планы унитаза (пьеса начиналась со слов дерьмо, здесь эти слова произнесены не будут, вместо них эта видеозаставка), вот мясная отбивная в папиных руках. Дабы мы не сомневались, что действие происходит здесь и сейчас, пролог сопровождают новости радиостанции France-Inter, причем новости меняются от представления к представлению (на нашу долю выпал случай самовозжигания безработного, у которого истекал срок права на пособие...). Посредине сцены красиво сервированный стол. Появляются гости. Все комильфо. И вдруг происходит сдвиг, и персонажи опрокидываются в какой-то сюр, где милые обыватели превращаются в монстров, сполна отдающихся наполняющей их страсти к агрессии. И какой! Неудобных не просто убивают, папаша Убю сам распиливает их за сценой, но так, что мы отчетливо слышим звук электропилы. А несчастному капитану Бордюру, бывшему сподвижнику, который у Жарри просто отправлен в тюрьму, папаша Убю ложкой вырезает глаз, и все это крупным планом снимается на кинокамеру.

Photo Johan Persson

Действие пьесы Жарри происходит в воображаемой Польше, то есть нигде. Доннеллан использовал зыбкость пространственно-временных координат событий, поместил действие в ментальное пространство. То ли фантазии сына (в его сознании папа с мамой превращаются в чету Убю, их гости - в короля Венеслава и придворных, а он сам, конечно, в героического принца Бугреласа), то ли внутренние глюки, живущие в каждом из нас.

Салон в девственно белых тонах, придуманный постоянным сценографом Деклана Ником Ормеродом, служит экраном для проекции глюков – нужно ли говорить, с каким удовольствием смачно пачкают его ярко красным кетчупом, превращают в поле боя, где все вверх тормашками? Хотя главный интерес спектакля - в актерской игре, в переходах от абсурда, сюра к нормальности и наоборот. Вот милейший папа - Кристоф Грегуар, небольшое смещение, игра света, и перед нами – бурлескный папаша Убю. Жажущая крови, гротескная мамаша Убю (Камий Кайоль) и секундой позже, она же - очаровательная светская парижанка. Вот под звуки бравурного вальса танцуют мужчины в белых тройках и женщины в легких шелковых платьях, напоминающих доброе старое голливудское кино. И они же через мгновение предаются смачным убийствам ближних. Для чего используется целый шутовской арсенал площадного действия (как- никак, играют Жарри), в данном случае, первые попавшиеся в руки домашние аксессуары. Так щетка для туалета становится скипетром, абажур - короной, ванный коврик - накидкой. Все с импровизационной легкостью, наполовину всерьез. Кажется, актеры получают удовольствие от всех этих сценических безобразий, следующих детской логике, по которой чрево перевернутого дивана служит гротом, кетчуп – краской для стратегического плана битвы, дерутся прибором для взбивания крема, флаконом бытовой

химии или щеткой для подметания (священный меч Бугреласа). На головы будущих жертв одевают старую пластиковую сумку из сети дешевых магазинов «Тати», и так отправляют на заклание.

Уравниваются в правах действительное (реальность, даже гиперреальность - видео из пролога, новости на радио) и вымышленное. Мирное существование традиций вполне буржуазного театра, против которых восставал Жарри, с ненормативной лексикой фарса «Король Убю». Все - повод для начала игры, как писал когда-то в предисловии к текстам Жарри философ Сергей Исаев.

Photo Johan Persson

Паскаль Грегуар и Камий Кайоль - парочка Убю.

В финале, несмотря на то, что буржуазный салон станет похож на поле битвы, все вернется на круги своя, снова щебечут за столом о прелести бордосского вина или биологически чистых продуктов: светская болтовня, чисто французское искусство говорить не о чем, но ужасно утонченно. И единственный, кому дано одинаково видеть оба мира, это тот самый сынок-подросток. Вспомнилось, что Жарри, когда придумал персонаж Убю, был еще школьником, и родилось все из общей забавы его друзей-лицеистов, захотевших высмеять ненавистного учителя. Сынок в спектакле Деклана Доннеллана - может быть это и есть сам Жарри, вечный подросток, бунтующий против логики взрослого мира? Не случайно, именно он в конце ставит жирную точку на авантюрах Убю, стреляя из настоящего пистолета.

Кристоф Грегуар и Камий Кайоль, чета Убю, играли вместе в расиновском спектакле Деклана Доннеллана Андромаху и Пирра. И это не только случайное совпадение. Если верить Доннеллану, от Расина до Жарри получается один шаг. При постановке трагедии Расина его больше всего поразило открытие, что «за совершенной внешней формой александрийского стиха скрывается пучина, хаос». Но разве в «Короле Убю» он не обнаруживает ту же пучину за политкорректной семьей французских бобо? Сам режиссер утверждает, что связь между трагедией Расина и фарсом Жарри в том, что обе пьесы показывают: «что происходит, когда мы хотим во что бы то ни стало добиться того, чего хотим, но в в чем нам отказано». «И обе занимаются вопросом - что означает цивилизованное поведение. Мы все хотим быть цивилизованными, как того требует модель нашего общества. Но что тогда делать с чувствами, которые не укладываются в эти рамки? Есть плата за цивилизованность, и эта плата - безумие», - считает режиссер. К тому же, по Доннеллану, и Расин, и Жарри лишаются своих жанровых определений: как «Андромаха» не была трагедией, «Король Убю» перестал быть площадным фарсом. Обе пьесы у британского режиссера - семейные хроники, спектакли про обычных людей, с которыми случились («Андромаха») или могут случиться («Король Убю») необычные

истории. Французская критика приняла прочтение Доннеллана достаточно восторженно (по мнению рецензента Culturipoing.com, «спектакль останется в театральном анналах как образец grand cru»). Никому и в голову не пришло упрекнуть режиссера, что его «Король Убю» вышел скорее из Льюиса Керролла, чем из Рабле.

Вместо послесловия. Камий Кайоль называет себя француженкой и русской актрисой. Она окончила Школу-студию МХТ, много лет играла в театре Табакова. (См. видеointerview). Помимо спектакля Деклана Доннеллана, ее вскоре можно будет увидеть в фильме Аксель Ропер «Tirez la langue, mademoiselle», который уже попал в негласный список ожидаемых фильмов Каннского фестиваля.